

**ВЛАДИМИР
ГУБАРЕВ**

СТРАСТИ ПО
Начато 19 г.
Заклучено 19 г.
ЧЕРНОБЫЛЮ

Владимир Степанович Губарев

Страсти по Чернобылю

Серия «Суд истории»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27106341

В. С. Губарев. Страсти по Чернобылю: Алгоритм; Москва; 2011

ISBN 978-5-4320-0011-8

Аннотация

Этот день в истории нашей цивилизации стал переломным. Он не только изменил судьбы многих людей, но и заставил Историю идти новым путем. Распад Советского Союза начался в ту страшную ночь. 26 апреля 1986 года гигантское радиоактивное облако накрыло не только нашу страну, Европу, Азию и Америку, но и прошлое, настоящее и будущее человечества. Страсти по Чернобылю продолжаются уже четверть века. Они не оставляют всех, кто в той или иной форме в России, на Украине и в Белоруссии имеет отношение к случившемуся. О величайшей катастрофе века книга Владимира Губарева, известного писателя, журналиста, который был свидетелем и участником той трагедии.

Содержание

Часть 1	5
Чернобыль. Первые минуты и часы аварии	6
Сценарий «Пожар на Атомной»	14
Первые минуты и часы аварии	17
Топливо под локтем	20
Несколько слов о реакторе	23
Чернобыль. Первые дни аварии	27
Припять. Эвакуация	29
Главный ликвидатор	32
Металлический привкус во рту...	47
На лезвии атомного меча	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

В. С. Губарев

Страсти по Чернобылю

© Губарев В. С., 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

Часть 1

Зарево над Припятью

Здесь только документы, воспоминания, анализ и все, что я увидел в Чернобыле и вокруг него, когда оказался там.

А потом понятие «Чернобыль» расширялось, становилось зримей и весомей, потому что, оказывается, оно навсегда ворвалось в жизнь каждого, кто побывал там, и остальных, которые подчас не хотят или не могут заметить, что Чернобыль изменил и их судьбу.

Чернобыль. Первые минуты и часы аварии

«Я, Шаврей Иван Михайлович, родился 3 января 1956 г., белорус. Работаю в пожарной части ВПЧ-2 по охране Чернобыльской АЭС с 19 сентября 1981 года на должности пожарного. Во время аварии на ЧАЭС совместно с караулом нес службу в расположении части. Во время взрыва находился возле диспетчерской на посту дневального. В то время рядом был подменный диспетчер С. Н. Легун и заступивший на пост дневального Н. Л. Ничипоренко. Стояли втроем, разговаривали, как вдруг послышался слабый выброс пара. Мы этому не придали никакого значения, потому что выброс пара происходил неоднократно за мое время работы в ВПЧ-2. Я собирался уходить отдыхать, как через некоторое время сработала сигнализация. Мы бросились к щиту, а Легун попробовал связаться с ЦЩУ, но никакой связи не было. И в это время произошел взрыв. Я бросился к окну. За взрывом последовали мгновенно новые взрывы, я увидел огненный шар, который взвился над крышей машинного зала, отделения четвертой очереди.

По тревоге мы выехали на загорание. По прибытии к месту происшествия машины и личный состав караула заняли свои боевые посты, потом через некоторое время наше отделение вызвали на помощь прибывшей на пожар СВПЧ-6.

Они установили свои машины по ряду «Б». Я и А. Петровский поднялись на крышу машинного зала, на пути встретили ребят с ВПЧ-6 – они были в плохом состоянии. Мы помогли им добраться к механической лестнице, а сами отправились к очагу загорания, где и были до конца, пока не затушили огонь на крыше. После выполнения задания мы спустились вниз, где нас подобрала «скорая помощь». Мы также были в плохом состоянии».

Иван Шаврей эту «Объяснительную записку» писал в Москве, в клинике № 6, куда был доставлены из Чернобыля пожарные, наиболее сильно пострадавшие во время аварии.

«26 апреля 1986 г. я, Прищепа Владимир Александрович, находился на дежурстве в ВПЧ-2 по охране ЧАЭС. Дневное дежурство нашего 3-го караула прошло без происшествий. В ночное время я должен был стоять дневальным. После просмотра телепередач я лег отдыхать. Ночью я услышал взрыв, но не придавал этому значения. Затем, через 1–2 минуты, прозвучала боевая тревога. Я быстро оделся и сел в автомобиль. Увидел пламя на АЭС возле вентиляционной трубы и на кровле помещений ГПЦ. В наш автомобиль сел начальник караула лейтенант В. П. Правик. Он по радиостанции передал в СВПЧ-6 вызов № 3, по которому все машины Киевской области должны следовать на ЧАЭС для тушения пожара. По прибытии на АЭС второе отделение поставило автонасос

на гидрант и подсоединило рукава для сухотруб. Лейтенант В. П. Правик по транспортному коридору побежал в машинный зал... Мы приехали в ряд «А», машину поставили на пожарный гидрант, проложили магистральную линию к сухотрубам, которые вели на крышу машинного зала. Я по пожарной лестнице полез туда. Когда я вышел на крышу, то увидел, что перекрытия нарушены, некоторые упали. Ближе к постоянному торцу на 4-м энергоблоке я увидел очаг загорания крыши. Он был небольшой. Я хотел к нему подойти, чтобы потушить, но перекрытия шатались. Я возвратился и пошел вдоль стенки по пожарному водопроводу, подошел к очагу и засыпал его песком, так как рукавную линию проложить не было возможности. Затем я возвратился и на пожарной лестнице увидел майора Телятникова Леонида Петровича. Я ему доложил обстановку. Он приказал: «Выставьте боевой пост и дежурьте на крыше машинного зала». Мы выставили боевой пост и с И. М. Шавреем дежурили до утра. Утром нас начало тошнить, появилась рвота. Возле столовой нам дали по две таблетки и отправили на второй этаж санпропускника. Мы помылись, но рвота не прекращалась. Я пошел в медсанчасть, мне дали таблетку и отправили в городскую поликлинику. Затем, на другой день – 27.04.86 г., нас увезли в Москву в клинику № 6».

Владимир Прищепя писал о первых минутах аварии через две недели. Шестерых пожарных, которые вступили в

схватку с огнем и победили его, уже не было в живых.

А майор Леонид Телятников был в тяжелом состоянии...

«В 01 ч. 45 мин. прибыл на территорию АЭС со стороны КППЧ-2. Увидел разрушения аппаратного отделения 4-го энергоблока и горение на покрытии аппаратного отделения 3-го энергоблока. Горение было во многих местах и на различных отметках от 12,5 до 71,5 метра. Наиболее интенсивно – на покрытии центрального зала 3-го энергоблока. Высота пламени достигла 1,5–2 метров...»

1-й и 2-й энергоблоки Чернобыльской АЭС расположены в отдельных корпусах, 3-й и 4-й – рядом, их разделяет вентиляционная шахта. Но машинный зал всех четырех блоков общий, а значит, огонь по крыше мог переброситься не только на 3-й блок, но и на остальные. Майор Телятников принял единственно верное решение: в первую очередь ликвидировать очаги возгорания на крыше машинного зала.

«...Через машзал я побежал к начальнику смены станции. По пути установил, что здесь горения нет. Вместе с А. С. Дятловым осмотрели 4-й блок. Через выбитые панели хорошо просматривались кабельные помещения, пожара там не было. Из центрального зала хорошо просматривалось не то зарево, не то свечение. Но там, кроме «пятак» реактора, ничего нет, гореть нечему. Позвонил на ПСЧ ВПЧ-2, доло-

жил обстановку для передачи в Киев...»

Эта информация майора Телятникова показалось... невероятной: мол, такого не может быть!

«Пошел в аппаратное отделение через транспортный коридор 4-го блока. Там сплошным потоком шла вода, пройти не было возможности. В это время с покрытия спустился лейтенант В. П. Правик, доложил обстановку. С ним еще семь человек, им было плохо, всех тошнило. Ехала «скорая помощь», я ее остановил и отправил всех в поликлинику. Поднялся на покрытие, там никого не было... Было около 3 часов. Связался с директором. Доложил ему обстановку о пожаре, попросил направить дозслужбу. Но у директора дозиметров под рукой не было, он разрешил мне взять любого, кого найду на АЭС. Директор попросил откачивать воду, которая заливает 3-й энергоблок. Поставили одно отделение для откачки воды. Сам побежал искать дозиметристов. Нашел одного на 1-м энергоблоке. Внутри обстановку полностью не знали, а на покрытиях пожар был потушен. Это было в 03 ч. 30 мин. Мы объехали боевые участки, был создан штаб пожаротушения. Об этом мы доложили директору...»

Да, «малый» пожар был ликвидирован. И что греха таить, некоторых это успокоило. Они не подозревали, что там, внутри здания 4-го блока, разгорается иной «пожар» –

ядерный...

Мы долго не можем начать разговор. Несколько минут назад пришло сообщение, что умер Лелеченко. Ожоги и облучение сделали свое дело. Лелеченко был их другом...

Владимир Лыскин и Николай Олещук – мастера электроцеха Чернобыльской АЭС. В день аварии они, находясь у самого реактора, который сквозь щели излучал смертельные дозы радиации, вместе с товарищами восстанавливали повреждения на силовом оборудовании.

– Мы не думали о том, что это опасно, – говорит Олещук, – надо было подать энергию, без которой масштабы аварии могли бы сразу расшириться...

У Лыскина на АЭС работает сын Евгений, здесь на насосной станции трудится супруга.

– Как это началось?

Олещук и Лыскин долго молчат, и мы понимаем их – трудно вспоминать ту ночь. Однако надо вспомнить все – до мельчайших подробностей, чтобы люди знали, как вели себя те, кто начал сражение в Чернобыле. И они рассказывают не о себе, а обо всех – они были лишь частью большой группы людей, которые работали в ту ночь на станции или в первые часы аварии прибыли сюда.

– Мне позвонили сразу же, – говорит Николай, – приказ был краток: «Поднимай людей!» Из семнадцати человек дома оказалось семеро. Остальные отдыхали: все-таки суббо-

та, у нас места великолепные – рыбалка отменная... Вот они и уехали. Понял, что ситуация сложная, когда увидел машины «скорой помощи», которые шли на станцию... Ну а когда добрался на свой 4-й блок, стало ясно, насколько тяжела авария.

– Вывалился графит, лежит на полу – фон очень большой, – добавляет Владимир.

– Но забывали об опасности, потому надо было проверить трансформаторы... Потом начало затапливать кабельные каналы...

– А Лелеченко и о безопасности людей думал. Обо всех, кроме себя. Надо было перекрыть задвижки подачи водорода. Никого не пустил, а сам пошел... Это подвиг... Он думал о своих ребятах. Александр Григорьевич очень любил работать с молодыми, брал их в цех, учил. И все его очень любили – он был настоящим наставником. Так вот, Лелеченко внимательно следил, чтобы никто из его ребят не получил опасной дозы. Он буквально выгонял их из цеха, а сам не уходил... А потом уже, еле держась на ногах, но заметив наше состояние – по лицам, наверное, вдруг начал рассказывать анекдоты...

– Ощущение необычное – ничего не чувствуешь. Тебе ни холодно, ни жарко... Но когда включили трансформатор, стало сразу же легче на душе – ведь удалось подать питание на аварийный блок.

– Те, кто был на станции, не уходили. Каждый понимал

свою задачу. Кстати, люди, далекие от атомной энергетики, вели себя гораздо хуже – боялись...

– Припять – город молодой, жизнерадостный. На этой станции многие с первого блока. Раньше я работал на Курской АЭС, – говорит Олещук. – Переехал сюда, тут прекрасный коллектив сложился, и вдруг такая беда. До сих пор не верится, что такое произошло...

– Некоторые были в отпусках, но, узнав об аварии, сразу же вернулись.

– Мастер Архипов отдыхал неподалеку, в Полесском районе. Сразу же на своей машине помчался в Припять. Его остановила милиция – тогда уже первые посты были выставлены. Он бросил машину и пошел пешком. А это тридцать километров. Попал на зараженный участок, облучился. Другой на его месте бросился бы бежать, а Архипов пришел на станцию...

– Те, кто работает в атомной энергетике, преданы ей беспрельдно. Я настолько влюблен в город, в нашу АЭС, в эту работу, что не могу представить свою дальнейшую жизнь без нее.

– Все готовы работать! И в первую очередь те, кто пережил эту страшную ночь...

Сценарий «Пожар на Атомной»

В декабре 1985 года состоялась премьера фильма «Корабль пришельцев». Лента рассказывала об одном из эпизодов создания «Востока». События происходили за 110 дней до старта Юрия Гагарина. Корабль-спутник не вышел на околоземную орбиту и упал в районе Подкаменной Тунгуски. Академик С. П. Королев организовал специальную экспедицию, которая должна была в кратчайшие сроки найти «шарик» и доставить его в Москву. Стояла полярная ночь, температура опускалась до минус сорока, да и к тому же был глубокий снег.

Фильм – о тех, кто выполнял задание Королева...

После премьеры мы долго обсуждали с Сергеем Никоненко, режиссером «Корабля пришельцев», будущую совместную работу.

– Век научно-технического прогресса, иное мышление, более глубокий взгляд на человека, изменение его психологии, – размышлял Сергей, – как это показать на экране?

– Думаю, нужна экстремальная ситуация. И герои, которые в обычной жизни кажутся всем рядовыми людьми, не способными на самопожертвование, на подвиг, становятся совсем другими, когда случается Нечто...

– Война в наше время?

– Да, ситуация, в которой проявляется самое сокровенное

в человеке, такие черты характера, о существовании которых он и сам не подозревает...

– Сюжетов таких много: наводнения, пожары, преступления, в общем, достаточно, – заметил Сергей.

– «Пожар на Атомной». Неплохое название? – спросил я.

– Но говорят – такое невозможно?

– В принципе, конечно. Однако мы можем сделать фильм-предупреждение, – убеждал я. – К примеру, на одну из северных станций, которая выработала свой ресурс, приезжает специалист по безопасности АЭС, назовем его «академик Трубецкой». Приезжает он, конечно, инкогнито. С ним группа сотрудников, и они моделируют аварию на атомной станции. Цель: проверка готовности персонала к такой работе и одновременно выработка каких-то рекомендаций для будущих АЭС, которых строится в стране множество. И в этой критической ситуации, созданной искусственно, люди проявляют себя – ведь они не подозревают, что идет эксперимент...

– В сюжете что-то есть, – улыбается Никоненко. – Попробуем?

Сценарий фильма «Пожар на Атомной» я должен был сдать на студию имени Горького 15 мая 1986 года. Так значилось в Договоре.

В субботу, 26 апреля, я захватил часть написанного сценария на работу. Все-таки в выходные, когда молчат редак-

ционные телефоны и нет посетителей, можно спокойно выкроить несколько часов и пописать.

Вставил чистый лист в машинку. Дальнейшие события ясны: пожар начинается в полночь и сотрудники, которые дежурят на АЭС, в полной мере проявляют себя...

Телефонный звонок. Знакомы голос физика, с которым мы не раз бывали и на ядерных взрывах и на атомных станциях.

– Тяжелая авария на Чернобыльской станции, – коротко сказал он. – Думаю, что «Правда» не может оставаться в стороне. Я вылетаю через два часа. Спецрейсом. Приезжай на аэродром, к депутатскому залу...

Через несколько минут позвонил Михаил Семенович Одинец, заведующий корреспондентским пунктом «Правды» в Киеве. Он еще не знал, что именно случилось в Чернобыле, но ему было ясно, что произошло что-то необычное и страшное...

Первые минуты и часы аварии

«При подготовке работ по охлаждению реактора 4-го энергоблока ряд работников проявили мужество и героизм. А. Кедров и Д. Небощенко пошли первыми в зону, определили объемы и место работ...» – так информировал партком АЭС Киевский обком партии.

– Меня предупредили: сделайте разведку, но на рожон не лезьте, – рассказывает Анатолий Кедров. – Это из дирекции позвонили на смену... В защитной одежде прошли по коридору третьего блока, но на лестнице уровень радиации резко повысился. Оставил ребят, пошел сам. Прибор шкалило. Оставалось еще четыре шага. Неужели возвращаться?.. Прошел, посмотрел. Многое стало ясно. В работу сразу же включились химики и физики. Надо было добраться до некоторых узлов, которые были повреждены.

Алексей Ананенко, Борис Баранов, Валерий Беспалов и многие другие вслед за разведчиками пошли в зону реактора. Они уже знали радиационную обстановку, а значит, работали не «вслепую».

Полностью уберечься было невозможно. Некоторые из них получили большую дозу, вскоре были отправлены в Москву и Киев. Но они остались жить...

Среди пострадавших в ту ночь было и немало медиков. Ведь именно они, прибывшие со всей области, вывозили по-

жарных, физиков – всех, кто был на станции. Их «скорые помощи» подъезжали прямо к 4-му блоку.

Через несколько дней я увидел эти машины. Ими нельзя было пользоваться, так как они были сильно заражены...

Странно, непривычно выглядит с вертолета Припять. Белоснежные многоэтажные здания, широкие проспекты, парки и стадионы, игровые площадки рядом с детскими садами и магазинами.

Город пуст. Ни одного человека на улицах, а по вечерам ни в одном из окон не загорается свет. И лишь изредка показывается на улице специальная машина – это служба дозиметрического контроля.

Иногда в тишину города врывается шум двигателей – это к реакторам идет очередная вахта: три блока АЭС нуждаются в присмотре, ну а на четвертом блоке совсем иные события разворачиваются...

Город без людей. Это страшно.

Однажды я видел такой город. По-моему, если не изменяет память, это был Сан-Франциско. В фильме Стенли Крамера «На последнем берегу» герои ленты, надев защитные костюмы, идут по безжизненному городу в поисках передатчика, посылающего в эфир непонятные сигналы. Уже давно прошла ядерная война, в живых осталось несколько десятков человек, да и те на борту подводной лодки. Но они надеются, что там, в Сан-Франциско, есть еще один... Но это от

ветра колышется штора, контакты передатчика натываются на нее, и возникает радиосигнал...

Один из подводников не возвращается на лодку. С удочкой он сидит на берегу мертвой реки. Оказывается, он родом из Сан-Франциско...

На берегу Припяти вижу солдатику, который удит рыбу.

Над его головой виден контур атомной станции...

Мертвый город Припять до мельчайших подробностей похож на Сан-Франциско из фильма. Город, который оставили все – взрослые и дети, пенсионеры и домохозяйки, физики и дворники...

Топливо под локтем

В том хаосе и неразберихе, а также в полном отсутствии информации понять, что случилось на Чернобыльской АЭС, даже специалистам было невозможно. А именно им надлежало принимать решения и действовать очень быстро, как и положено в аварийных ядерных ситуациях.

Пострадавших быстро доставили в Москву в клинику № 6. Разгрузили всех быстро – палаты уже были приготовлены. А что делать с транспортом, с одеждой – ведь ясно, что они заражены. Автобусы, машины «скорой помощи» и реанимобили, которые везли облученных из аэропорта, направили в Отделение исследовательских реакторов и реакторных технологий Института атомной энергии, который, к счастью, был неподалеку.

Впрочем, а куда же еще? Иных мест в Москве, где можно провести дезактивацию транспорта, не было. Итак, все инструкции уже нарушены: зараженные машины мчались по улицам Москвы, что было в нормальных условиях совершенно недопустимо.

В этом отделении Института шла работа с высокоактивными материалами, исследовались и облученный графит, и твэлы, да и наибольшее количество отходов накапливалось здесь. В общем, тут были собраны как раз те профессионалы, которые знали, что делать и с транспортом, и с одеждой,

в которую были одеты пострадавшие.

С Чернобыльской АЭС физики были хорошо знакомы. Более того, почти пять лет они регулярно выезжали на станцию, так как пытались разобраться с техническими неполадками на 1-м энергоблоке.

Еще в 1982-м году в активной зоне реактора начали разрываться технологические каналы. Причина разрушения их была непонятна, но аварии случались регулярно. Исследования велись днем и ночью, потому что энергоблок был остановлен и энергии не хватало. Ученые довольно скоро выяснили, что разрушались стенки из циркония, так как «изобретатели» на заводе, где изготавливались трубки, внесли ряд «новшеств». Да, производительность увеличилась, но надежность каналов упала. Трубки разрывались, графитовая кладка активной зоны начала разрушаться... Когда министр Е. П. Славский узнал о случившемся, он немедленно издал приказ, в котором еще раз напоминалось, что «на предприятиях атомной промышленности всякая рационализация и изобретательство категорически запрещены»! Они в обязательном порядке должны согласовываться с научными учреждениями...

В общем, усилиями ученых Института атомной энергии и работниками АЭС неполадки на 1-м энергоблоке были устранены – дефекты никак не проявлялись. И тут информация об аварии! Поначалу «курчатовцы» даже подумали, что она случилась на 1-м блоке.

Однако сомнения развеялись сразу же, как только машины и автобусы оказались на санитарной площадке отделения, чтобы пройти дезактивацию.

И тут впервые специалисты начали понимать, насколько велики масштабы катастрофы: мазок с подлокотника, взятый в автобусе, показал, что в нем есть частички ядерного топлива...

У профессионалов создалось впечатление, будто они работают в «горячей камере». Но на этот раз источники излучений находились везде: в автобусах, в ботинках и белье, во всем, к чему прикасались пострадавшие.

Обувь, которую доставляли из 6-й клиники, «фонила» так, словно она побывала внутри работающего реактора – столько излучали образцы, которые поступали в «горячую лабораторию» раньше.

Всю одежду, все личные вещи пришлось помещать в специальные контейнеры и отправлять на захоронение.

Ничего подобного раньше не случалось, и теперь уже все сотрудники Института атомной энергии («внутренняя информация» сработала моментально!) понимали, что ближайшие месяцы и даже годы их работа и судьба будут связаны с Чернобылем.

Официальное сообщение правительства об аварии появилось лишь 30 апреля.

Несколько слов о реакторе

Почему он взорвался?

Этот вопрос мучил физиков с первой минуты катастрофы.

Ответа не было...

Первый энергоблок с реактором РБМК был выведен на мощность в 1973 году под Ленинградом. Это уран-графитовый реактор канального типа. Замедлитель – графит, теплоноситель – обычная вода.

Считалось, что РБМК по конструкции намного проще, чем остальные типы реакторов. Перегружать топливо на нем можно было без остановок, мощности можно увеличивать в несколько раз, используя все те же элементы конструкции. Так как у реактора не было корпуса, то его легко было транспортировать по железной дороге. И, наконец, промышленность хорошо освоила производство такого типа реакторов, так как он был аналогичен тем, что работали в Челябинске-40, где получался оружейный плутоний.

Академик Анатолий Петрович Александров, директор Института атомной энергии, а затем и президент Академии наук СССР, был активным сторонником именно этого типа реакторов. Это было связано не только с тем, что он являлся научным руководителем и одним из создателей РБМК, но и, по его мнению, реактор был абсолютно надежным. Крыла-

тая фраза о том, что «такой реактор можно смело ставить на Красной площади» принадлежит именно Александрову.

Вскоре после пуска первого промышленного реактора в Челябинске-40 (комбинат «Маяк») и взрыва первой атомной бомбы Игорь Васильевич Курчатов именно Александрову передал научное руководство пуском и работой новых «Иванов». Это были промышленные реакторы, где нарабатывался плутоний. Александров был уверен в их надежности – крупных аварий не случилось.

Анатолий Петрович не сомневался в надежности РБМК, а потому долго не мог поверить, что в Чернобыле произошла столь масштабная авария...

Из официальных документов: «Перед остановкой на планово-предупредительный ремонт (ППР) блока станции предполагалось проверить способность вращающегося по инерции турбогенератора (№ 8) вырабатывать электроэнергию для обеспечения потребностей станции в аварийных условиях до включения резервных дизельных генераторов. Подобные испытания проводились и раньше и заканчивались благополучно. В стремлении провести эксперимент персонал станции допустил ряд нарушений правил техники безопасности: отключение системы аварийного охлаждения реактора; блокировку защиты реактора по сигналу остановки турбогенераторов; блокировку защиты реактора по уровню воды и давлению пара в барабане-сепараторе.

В процессе подготовки к испытаниям реактор «провалился в йодную яму» – его мощность упала до 30 МВт (тепл.). К 1 ч. 00 мин 26.04.86 мощность удалось стабилизировать на уровне 200 МВт (тепл.) путем существенного уменьшения оперативного запаса реактивности до величины 6–8 эквивалентных стержней регулирования вместо регламентного уровня – 30 стержней. В 1 ч. 03 мин. дополнительно к шести работавшим ГЦП были подключены еще по одному насосу в каждой петле. В результате суммарный расход теплоносителя превысил регламентное значение, характерное для стационарной работы реактора. Как следствие перечисленных мероприятий, реактор попал в неустойчивое предварительное состояние...»

Однако испытания все-таки начались. Мощность реактора возрастала...

В 1 час 23 минуты 40 секунд, почувствовав опасность, начальник смены нажал кнопку, по сигналу которой в активную зону вводились все регулирующие стержни аварийной защиты. Однако было уже поздно – в 1 час 24 минуты реактор взорвался.

Согласно математической модели, разработанной в ИАЭ им. И. В. Курчатова, «первый пик мощности достиг 10-кратного превышения номинальной мощности в течение 4 секунд. Выделение энергии сдвинуло 1000-тонную защитную крышку реактора и привело к тому, что были срезаны все каналы охлаждения по обеим сторонам активной зоны

реактора. Через 2–3 секунды произошел второй взрыв, и горячие куски реактора были выброшены из разрушенного здания. Разрушение реактора обеспечило доступ воздуха, который, соответственно, привел к горению графита».

Всего семь секунд прошло от нажатия кнопки аварийной защиты до глобальных разрушений. В истории человеческой цивилизации это была, пожалуй, самая стремительная техногенная катастрофа.

Чернобыль. Первые дни аварии

Нас семеро. Журналисты из центральных газет. Нам разрешено побывать в зоне аварии, рассказать о том, что делается для ее ликвидации.

В основном это молодые газетчики, боевые и, к сожалению, не представляющие, насколько опасна та самая радиация, которую «нельзя пощупать, почувствовать, увидеть».

В Киеве к нашей группе присоединился Михаил Семенович Одинец. Фронтовик, опытный правдист, самоотверженный и бесстрашный человек.

Втроем – плюс фотокорреспондент «Правды» Альберт Назаренко – отправляемся в Чернобыль.

Первое, что увидели, – опустевший город. И, наверное, в эту самую минуту поняли, насколько трудная и длительная предстоит работа.

В райкоме партии Чернобыля расположилась правительственная комиссия. На дверях приколотые кнопками, написанные от руки записки: «Академия наук», «Минэнерго», «Инженерная часть», «Минздрав СССР»...

Это штаб по ликвидации аварии. Сюда стекается вся информация.

В коридоре сталкиваюсь с Евгением Павловичем Велиховым. Сразу же беру у него интервью.

– Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию?

– К сожалению, пока мы занимаем эшелонированную оборону, – отвечает академик. – Стараемся предусмотреть все возможные варианты. Главная задача – обезопасить людей, поэтому и проведена эвакуация из 30-километровой зоны. Ну а наступление ведем на реактор, работаем не только рядом с ним, но и под ним. Наша задача – полностью нейтрализовать его, «похоронить», как принято у нас говорить. Все идет организованно, достаточно одного телефонного звонка – и решение принято. Раньше на согласование уходили месяцы, а теперь достаточно ночи, чтобы решить практически любую проблему. Нет ни одного человека, кто отказался бы от работы. Все действуют самоотверженно.

У Велихова усталое лицо. Сегодня он забыл побриться.

– С подобной аварией никто не сталкивался, – говорит он. – И необычность ситуации требует решения проблем, с которыми ни ученые, ни специалисты не имели дела. В общем, авария на станции преподнесла много сюрпризов.

Продолжить разговор не удалось. Велихова уже разыскивали. Начиналось очередное заседание Правительственной комиссии.

Припять. Эвакуация

Паники не было.

Более тысячи автобусов прибыли из Киева. Они остановились у подъездов. Милиционеры и общественники обходили каждую квартиру, и жильцы, предупрежденные заранее, спускались вниз, к автобусам. Брали только самое необходимое. Все были уверены, что через два-три дня вернутся домой.

Рассказывает курсант Владимир Порва:

«Нас, слушателей курсов, подняли по тревоге. Начальник курсов, не скрывая серьезности создавшегося положения, кратко, по-военному, доложил обстановку: «Люди нуждаются в помощи! Поедут только добровольцы», – закончил он. Шаг вперед сделал весь курс.

Были сборы недолги, и вот мы на автобусах подъезжаем к Чернобылю. Светит яркое весеннее солнце, сады в бело-розовом кипении от цветущих яблонь, груш и каштанов, на полях идут сельхозработы, и только шуршание шин бронетранспортеров, милицейские посты и белые халаты работников служб защиты напоминают, что АЭС с ее разрушенным четвертым блоком рядом.

На инструктаже сообщили, что в результате скопления паров водорода произошел взрыв, вызвавший частичное разрушение реактора и выброс радиоактивных веществ в атмо-

сферу.

Наша группа была брошена на загрузку смеси песка и свинца. Засыпали в купола списанных парашютов, а затем цепляли к вертолетам, которые сплошной вереницей отбуксировали их в район АЭС и сбрасывали на поврежденный реактор, создавая защитную шубу. Работы велись весь световой день.

Первомай все свободные от вахт и дежурств встретили торжественно. Выступления на митинге были кратки, во всех звучало: «Чернобыль! Знай, мы с тобой! Твоя боль – наша боль! Несмотря ни на что, выстоим и победим!»

Были выпущены боевые листки, и опять за работу, до пота и ломоты в суставах, с одной мыслью – реактор должен быть укрощен.

После принятия Правительственной комиссией решения об эвакуации населения стала поступать техника: автобусы, краны, фургоны для перевозки крупного рогатого скота и даже понтоны для наведения мостов через реку Припять. Рука об руку трудились гражданское население, работники внутренних дел, воины.

Нас разбили по группам, определили деревни, где будем осуществлять эвакуацию. Я попал в деревню Полесье, небольшую, дворов 120–150, всю утопающую в садах. Жители об эвакуации были предупреждены заранее. Никакой суматохи и паники. Брали самое необходимое и спокойно рассаживались по автобусам.

Единой колонной со скоростью 20–30 километров в час направились на пункт дезактивации, где каждый обследовался медицинским работником, тщательно мылся в душе с последующей сменой белья.

Так мы работали до 5 мая, после чего нас сменила житомирская милиция.

5 мая наша группа прибыла на пункт дезактивации. Заме-рили наличие радиации, затем обильный душ, вновь замер радиации и переодевание. И здесь все были равны, несмотря на чины и ранги. Я видел рядом рубашку с лейтенантскими погонами и бриджи с генеральскими лампасами.

В Чернобыле я воочию, а не по книгам и фильмам убедился, что может сделать атом, пусть даже мертвый, но вышедший хоть на время из-под контроля человека».

Главный ликвидатор

Именно так после Чернобыля называли Евгения Ивановича Игнатенко все, кто его знал и с кем он работал. И в этих словах особого преувеличения не было. Игнатенко одним из первых прибыл 26 апреля 1986 года на аварийный реактор, а уехал из Чернобыля только через два года...

Весь состав каждой Правительственной комиссии менялся каждые две недели. Один заместитель Председателя Совета Министров передавал дела другому, а вместе с ними бессменного члена комиссии Евгения Ивановича Игнатенко. В конце мая к нему присоединился новый директор Чернобыльской АЭС Эрик Николаевич Поздышев, теперь уже они

вдвоем оставались во всех комиссиях, будто сделаны они совсем из другого «материала» (имеется в виду «телесного»), чем остальные. И постепенно с этим свыклись: «эти ребята бессмертные»...

Но потом начались инфаркты – один, второй, третий... И тогда все руководство станции отправилось на медкомиссию. Всех тут же «списали», и Поздышев уехал тоже, а Игнатенко остался. На его немой вопрос всевластный Щербина ответил коротко:

– Я не вижу, кем тебя можно заменить, а потому остаешься. Или можешь предложить кого-то вместо себя?

Игнатенко не мог. И вовсе не потому, что считал себя незаменимым, просто он не имел морального права рисковать чужими жизнями. А его здоровьем распоряжались другие, потому что знали – Игнатенко не сможет отказать.

Не мог?

Мы разговаривали с ним в его кабинете в Припяти, в совершенно пустом городе, который давно уже покинули жители. А ПО «Комбинат», которым командовал Евгений Игнатенко, располагался как раз здесь, благо места свободного хватало... Радиация? Но ведь именно Игнатенко и его людям (кстати, которые регулярно сменялись: Игнатенко требовал, чтобы никто не переоблучался!) предстояло всеми способами снижать вред этой самой радиации и приводить окружающие районы в «пристойный вид», а также создавать всевозможные могильники и прочее, прочее, прочее...

В том первом разговоре я поинтересовался у директора комбината и о его отъезде из Чернобыля. Он ответил:

– Как только критическая ситуация хотя бы немного смягчится, не раньше.

– Неужели и вы чувствуете себя виновным в случившемся? – не выдержал я.

– Раз это произошло, значит, мы виновны все! – отрезал Игнатенко.

Из воспоминаний Е. Игнатенко: «Аварийный звонок телефона разбудил меня примерно в 3 часа ночи 26 апреля. Оперативный диспетчер нашего объединения Валентина Водолажская сообщила мне кодом, что на блоке № 4 Чернобыльской АЭС имеет место авария, при этом обозначила ее тип. Так как я практически все время пропадал в командировках на атомных электростанциях и в общих аварийных тренировках ни разу не участвовал, то код знал плохо и попросил более понятно обозначить тип аварии. Ответ был: «...пожар в аппаратном и турбинном отделениях, с радиационными и ядерными последствиями». Я спросил, еще до конца не проснувшись, но уже начиная шутить: «Не много ли всего сразу вместе для одного блока?..» Она ответила: «Дело серьезное. Немедленно выезжайте». Жена заволновалась: «Что случилось?» Но я ее успокоил: «Авария на четвертом блоке Чернобыльской АЭС, а я, как ты знаешь, отвечаю за пятый».

Евгения Ивановича Игнатенко хорошо знают атомщики и на Кольском полуострове, и на Чукотке, и в Курске, и на Волге, и на Ленинградской АЭС, и в Армении. Ну и, конечно же, на Украине. И дело вовсе не в должностях, которые он занимал, и не в званиях и наградах, что успел заслужить и получить, а в его четкой позиции, его взглядах на судьбу атомной энергетики и, наконец, в его умении работать и принимать решения. Все знающие Игнатенко делятся на две части. Для одних он – символ надежности, четкости, преданности профессии, бескомпромиссности и честности. Для других – опасный и умный противник, с которым спорить невозможно: слишком информирован, да и к тому же очень жесткий человек, который бывает беспредельно резок, подчас даже оскорбительно прямолинеен. Вполне естественно, с таким человеком трудно иметь дела, обходить его лучше стороной – ведь в гневе он беспощаден.

Для меня Игнатенко – очень близкий и дорогой человек, потому что очень мало тех, кто прошел Чернобыль от «А» до «Я», и Игнатенко был среди них...

Игнатенко был признанным специалистом по пуску новых энергоблоков. И в 86-м году он «шефствовал» над 5-м блоком Чернобыльской. Из-за задержки строительства пуск его переносился на будущий год, но тем не менее работы нужно было форсировать. Игнатенко прилетал в Чернобыль в марте, следующий раз командировка планировалась в начале мая.

И вот неожиданный телефонный звонок. Игнатенко поймал такси и приехал на Китайский проезд, где располагалось «Союзатомэнерго».

Из воспоминаний: «Из первых сообщений Брюханова следовало, что в результате взрывов (было отмечено два последовательных взрыва), причина которых не ясна, обрушилась кровля аппаратного отделения и частично машинного зала, имеются возгорания в ряде помещений, а также пожар на кровле турбинного зала. Пожарные ведут борьбу с огнем. Реактор блока № 4 заглушен и контролируется, при этом имелось в виду прежде всего наличие информации о нейтронном потоке в активной зоне и уровнях теплоносителя в барабан-сепараторах. Остановлен также имеющий с ним много общих связей блок № 3. Информация об отклонении от нормальных значений в радиационной обстановке Брюхановым не подтвердилась, что, по нашему мнению, свидетельствовало о целостности реактора, а именно это в связи с повреждением кровли над ним нас беспокоило больше всего».

В Москве уже собрались все ведущие специалисты, связанные с АЭС. По коротким сообщениям из Чернобыля они пытались воспроизвести картину случившегося.

К сожалению, информация поступала к ним лишь частично...

«...поступило сообщение Брюханова о том, что пожар имеет место во многих частях АЭС, есть

жертвы: один человек имеет сильные ожоги, а другого не могут найти. Причины взрыва не ясны. Насосы расхолаживания реактора в работе...»

Прошло уже четыре часа после аварии, а директор АЭС еще не подозревает, что реактор взорвался, что «не сильные ожоги», а лучевое поражение, что «расхолаживать» нечего – вместо реактора груды обломков.

Однако Брюханов этого не знает и дает в Москву ошибочную информацию.

Игнатенко по распоряжению министра готовит доклад в Совет Министров СССР о случившемся.

«Переданная информация была спокойной: «Произошла авария, есть повреждения зданий блока № 4 Чернобыльской атомной электростанции и возгорания, но ситуация контролируется».

Комиссия для поездки в Чернобыль была сформирована. Кстати, самого Игнатенко в ней не было, так как в то время он не был специалистом по реакторам РБМК-1000, в основном он занимался реакторами другого типа – ВВЭР.

А судьба первой информации, подготовленной Игнатенко, стала поистине роковой. Именно на нее ссылались все «верхи» (где была и другая информация, более близкая к реальности!). Более того: она легла в основу первого сообщения ТАСС, появившегося лишь на следующий день, когда уже всем, включая Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, было ясно, что случилась не «техническая

авария», а крупная катастрофа! Но в это не хотелось верить, думалось, что масштабы случившегося все же ограничены, а не столь обширны...

Через полчаса после передачи информации в Совет Министров Игнатенко и все его коллеги, что собрались на Китайском проезде, уже пожалели, что тон доклада «наверх» был таким спокойным.

«К 6 часам утра, когда аварийная команда уже была готова к отправке, доклады Брюханова резко изменились: он сообщил, что во дворе АЭС обнаружены графитовые блоки кладки замедлителя реактора и что стали поступать люди с признаками радиационного поражения. Многие, особенно пожарные, страдают рвотой. Я переспросил его недоверчиво, не связано ли это с отравлением ядовитыми дымами, которые образуются при пожарах, особенно при горении кабелей и других электротехнических изделий (такие случаи бывали при пожарах на электростанциях), и не забыли ли они графит во дворе еще со времени строительства блока. Брюханов настаивал на своем, ссылаясь на мнения медиков, а также на явно выраженные признаки радиационного поражения. Кроме того, он сообщил о наличии повышенных уровней радиации во дворе АЭС и ее помещениях. Эта информация в корне меняла представление о характере происходящей аварии».

В 10 утра «АН-24» взлетел с аэродрома «Чкаловский». На

его борту был и Евгений Иванович Игнатенко.

Самолет был переполнен: каждый считал, что он абсолютно необходим на месте аварии. Но то, что случилась катастрофа, которая в корне изменит судьбу каждого, они еще не подозревали.

«Разворачиваясь для посадки на аэродроме «Жуляны», мы довольно низко прошли над Чернобыльской АЭС. Хорошо был виден поврежденный четвертый блок, из центра реакторного отделения которого поднимался столб светлого дыма, причем горение видно не было. Вид дыма был легким и белесым. Я тогда воспринял его как остатки тления кабеля и других горящих изделий, которые могли быть в зоне аварии. Мне еще не верилось, что реактор этого блока разрушен до такой степени, что может гореть его внутренняя часть – графит».

Ну а в Припяти первое, что они увидели, свадебную процессию. На улицах играли дети. Погода была хорошая, а потому многие жители города просто прогуливались.

С моста хорошо просматривалась панорама атомной станции.

И они вновь начали сомневаться в достоверности последних докладов Брюханова... Впрочем, в худшее не хотелось верить.

Провели измерения. Радиоактивный фон в городе был чуть-чуть превышен, но не настолько, чтобы паниковать.

Они еще не знали, что на этот раз удача улыбнулась атом-

щикам: основной выброс прошел всего в ста метрах от последнего многоэтажного дома и удар радиации пришелся по лесу... Вскоре он стал «рыжим» – погиб, и весь этот участок пришлось сносить: деревья закапывать в могильники, а почву засыпать слоем песка. И эта работа ляжет на «Комбинат», которым будет руководить Игнатенко.

Но пока он едет на АЭС...

Из воспоминаний: «При подъезде к станции с ее южной стороны нашим глазам предстала впечатляющая картина разрушений четвертого блока. Шатер реакторного отделения отсутствовал. Из центральной части разрушений поднимался белесый дымок. Деаэрационная этажерка наклонилась в сторону машзала.

...Мы переоделись в санпропускнике, взяли с собой представителя службы дозконтроля, экипированного необходимой аппаратурой, получили армейские дозиметры со шкалой до 50 рентген и направились на четвертый блок... Впечатляющий вид представился нам из разбитого окна деаэрационной этажерки на 14-й отметке в районе восьмой турбины во двор АЭС, по которому были хаотически разбросаны детали реактора и элементы графитовой кладки его внутренних частей. Дозиметрист все время предупреждал нас об опасности. За время осмотра двора АЭС в указанном месте, который продолжался не более 1 минуты, показания моего дозиметра достигли 10 рентген.

Здесь я впервые почувствовал воздействие больших

полей гамма-излучения. Оно выражается в каком-то давлении на глаза и ощущении какого-то легкого свиста в голове, наподобие сквозняка. Эти ощущения, показания дозиметра и увиденное во дворе окончательно убедили меня в реальности случившегося, в том, что мы имеем дело с небывалой, или, как принято говорить о них по-научному, – гипотетической аварией. «Русский мужик пока не пощупает – не поверит». Я ощутил все это в полной мере: убедился своими глазами и полученной дозой».

Но все-таки сомнение оставалось. Вернувшись из коридора, ведущего на 4-й блок (к нему им так добраться не удалось!), Игнатенко вместе с милиционерами объехал станцию на автомобиле. Оттуда, с севера, вид 4-го блока и всей станции был страшным...

«...Легкий, белесый дым торопливо поднимался из центральной части остатков реакторного зала, а также курился на нижней площадке вентиляционной трубы. Территория двора АЭС и крыши зданий в западном и северном направлении были покрыты черным, типа сажи, маслянистым на вид налетом. В ряде мест уровни радиации превышали тысячу рентген.

После осмотра я возвратился в административный корпус и спустился в бункер, где находилось руководство АЭС. Там царил всеобщее уныние. Я попытался их раскачать, заявив, что обстановка не так уж плоха в сравнении с той, какая должна быть при

такой аварии».

В последних словах – весь Евгений Иванович Игнатенко! Он теперь знал, что от его работы, от труда многих тысяч людей, которым суждено будет пройти через Чернобыль, зависит слишком многое: и судьба пострадавших районов Украины, Белоруссии и России, и судьба его родной атомной энергетики.

Теперь он знает, что надо делать...

«Вертолет находился на стадионе, расположенном на выезде из города. Фон там уже достигал 300 миллирентген в час. Я прибыл туда, и мы поднялись в воздух. До реактора было примерно 5 км, и мы там оказались практически сразу. С высоты 300 метров нам представился незабываемый вид, который мог бы послужить элементом картины Дантова ада. В сумерках, еще не расставшихся с чернотой украинской ночи, особенно отчетливо была видна зловеще раскаленная активная зона. Верхняя конструкция реактора, его «крышка», называемая обычно ласковым именем «Елена», была сорвана со своего штатного места, сдвинута в сторону северо-восточного квадранта от оси активной зоны и разогрета до желто-красного цвета. В «Елене» отчетливо просматривалась структура мест подсоединения каналов, имеющих менее яркий цвет из-за повышенного теплоотвода. В общем, активная зона реактора смотрелась коксовым пирогом, на котором многотонной сковородкой лежала раскаленная, слегка сдвинутая «Елена». Сполохи этой печи играли на

остатках конструкции центрального зала четвертого блока и вентиляционной трубе. Раскаленный графит горел. В местах горения играло короткое пламя. Хорошо был виден разогретый воздушный столб, заполненный аэрозолями, поднимавшимися вверх. Я посоветовал летчикам обойти его стороной. Мы прошли над объектом несколько раз, так как хотелось более четко зафиксировать в памяти детали увиденного и разобраться в происходящем.

На высоте 300 метров над реактором бортовой радиометр вертолета на максимальной шкале 500 рентген в час зашкаливало. После посадки я немедленно отправился в горком партии, где уже собралось большинство членов правительственной комиссии, которые, выслушав доклад, пожелали сами убедиться в том, что было доложено мною.

Был организован повторный полет, я отправился с ними в качестве гида...»

Потом еще не раз Игнатенко летал над реактором. В частности, помогал летчикам точно сбрасывать мешки с песком в раскаленный реактор. Тогда им пришлось летать сквозь струю, идущую из реактора. И каждый такой пролет «стоил» 6 рентген.

...Много лет спустя мы вспоминали с Генеральным директором концерна «Росэнергоатом», профессором, доктором технических наук Евгением Ивановичем Игнатенко те чернобыльские месяцы.

– Уроки Чернобыля, в чем они? – спрашиваю я.

– Их очень много. И положительных, и отрицательных. Главное, с такими сложными и опасными системами, как атомные блоки, нельзя работать так, как у нас привыкли. Жесткость и твердость абсолютно необходимы! И на первом этапе развития атомной энергетики такие подходы существовали. Помню, на Кольской станции любое действие оператора и каждого специалиста было расписано аккуратно, и оно осуществлялось точно по инструкции. А каждое отклонение – обязательно обсуждалось, изучалось, расследовалось, чтобы ничего подобного не допускать в будущем... А потом в атомной энергетике пошел «поток», и отношение к работе изменилось... Каждый год 26 апреля я бываю на кладбище. Обычно меня просят сказать речь. Я выступаю коротко, но смысл всегда прост. Когда приходит беда, то герои идут вперед, чтобы остановить ее, и чаще всего погибают. А трусы забираются под кровать от страха, а потом, когда беда проходит, вылезают и начинают учить, как надо действовать в критической ситуации. И критикуют тех, кто пошел вперед, мол, ошиблись они. А свою позицию оправдывают тем, что они, мол, наблюдали, чтобы потом сделать правильные выводы... Есть, конечно, в такой трагедии и безвинные. Но все мы вместе – и герои, и трусы, и безвинные, а потому нам прежде всего нужно спокойствие, рассудочность и терпимость. Все-таки мы в одной лодке, в одной стране... В общем, оценок Чернобыля и его уроков очень много, и они требуют серьезного подхода – поверхностно же мне не хо-

чается об этом говорить.

Через несколько лет Евгений Иванович Игнатенко погибнет в автомобильной катастрофе по дороге на Калининскую АЭС...

Металлический привкус во рту...

В истории медицины работа врачей и сестер медсанчасти № 126 города Припяти станет одной из самых ярких героических страниц.

Они в числе первых были на месте аварии.

Они были последними, кто покинул эвакуированный город.

С 26 апреля по 8 мая медики спасали людей. Потом большинство из них госпитализированы – их самих надо было лечить.

Мне и коллегам из других газет довелось побеседовать с некоторыми из тех, кто работает в медсанчасти № 126.

– Только часов в пять утра я почувствовал металлический привкус во рту, головную боль, тошноту, – рассказывает врач «скорой помощи» Валентин Белоконь. – Я на станцию приехал в начале второго. Три наших машины я поставил так, чтобы все их видели. До четвертого блока – метров сто. Вскоре начали отправлять пожарных...

– Фельдшер Скачок и я приехали на станцию вместе с пожарными, – рассказывает Анатолий Винокур. – Нам тут же погрузили обгоревшего Владимира Шашенка. Мы отвезли его... Машину проверяли дозиметром, стрелку зашкалило. Утром вернулся домой, но все вещи снял за порогом и оставил там...

– В начале третьего в медсанчасти были уже все, кто нужен, – говорит заместитель начальника Владимир Печерица. – Мы обрабатывали пострадавших, делали вливания... Не хватало капельниц, оборачивали палки бинтом и прикрепляли к спинкам кроватей – вот штатив и готов. Вечером 26 апреля первая партия больных была отправлена спецрейсом в Москву...

На лезвии атомного меча

Каждый из нас может написать книгу о себе. Получится пухлый том или тоненькая брошюра, особого значения не имеет, важно другое: станет ли она нужной и интересной для тех, кто никогда с тобой не встречался, и узнают ли из нее что-то новое те, с кем ты прожил многие годы. И вдруг оказывается, что «книга о тебе» – это одна из вершин искусства, потому что не каждому дано возвышаться над равниной человечества.

У Ангелины Константиновны Гуськовой такое право исключительности есть – она ведь единственная на этой планете, кто бросил вызов «лучовке» и победил ее!

Проникнуть в мир, где живет и работает профессор Гуськова, необычайно трудно, потому что мы всегда стараемся поменьше касаться тех граней жизни, которые нам непонятны, недоступны и таинственны.

Кстати, последнее делалось специально, так как речь шла о самой секретной стороне жизни государства.

Наш век пройдет. Откроются архивы.

И все, что было скрыто до сих пор,

Все тайные истории изгибы

Покажут миру славу и позор.

Богов иных тогда померкнут лики

И обнажится всякая беда.

Но то, что было истинно великим,

Останется великим навсегда.

А. К. Гуськова как истинная женщина любит поэзию, знает ее. Строки Николая Тихонова она выбрала эпиграфом к своей книге воспоминаний не случайно: Ангелина Константиновна убеждена, что вокруг Атомного проекта слишком много мифов и легенд, а правда скрыта не только секретностью, но и невежеством людей, в том числе и тех, кто представляется общественности специалистом.

Мы знакомы много лет, бывало, что в разнообразных дискуссиях занимали разные позиции, но цель всегда была общая – познать Истину в том мире, что называется «Атомная

отрасль России». А потому беседа наша шла, на мой взгляд, с предельной откровенностью. Впрочем, профессор Гуськова иначе и не может – такой уж характер...

– *Ваш путь в науке начинался на «Маяке», не так ли?*

– Я закончила ординатуру и была приговорена к поездке «туда».

– *Что значит: «приговорена»?*

– То есть никакого желания ехать «туда» у меня не было, не хотелось менять уже сложившуюся судьбу в клинике.

– *А где вы работали?*

– В клинике нервных болезней. Я уже кончила ординатуру, готовила диссертацию. В это время приехали «вербовщики». Мы заполнили анкеты, и по ним все трое закончивших ординатуру были распределены в «закрытые города». Двое в Свердловск-44, я в Челябинск-40, нынешний Озерск. Руководители клиники меня всячески пытались защитить, обращались даже к секретарю Свердловского обкома, ездили в Москву в Министерство здравоохранения, но им было категорически отказано. У меня жизнь хорошо складывалась, а потому ехать в Озерск не хотела. Начальник Третьего Главного управления Минздрава А. И. Бурназян долго уговаривал меня, пытался заинтересовать какими-то «особыми» проблемами. Он рекомендовал мне поехать в Арзамас-16, уверяя, что это «совсем близко, всего два часа до Москвы». Правда, он забывал добавлять, что «самолетом». Но я сопротивлялась и дала согласие только на Урал – раз

уж надо заниматься «атомными делами».

– *Почему только Урал?*

– Думала, что все-таки родные места, да и смогу сохранить какие-то связи с клиникой, где работала раньше. Вначале я заведовала неврологическим отделением, а затем перешла на работу в специальную научную группу, которая была создана на комбинате. Это «Филиал № 1 Института биофизики». Возглавлял ее замечательный врач-гематолог Г. Д. Байсоголов. К этому времени я уже познакомилась практически со всеми вариантами аварий. Сначала это было облучение в огромных полях на радиохимическом заводе...

– *Плутоний?*

– Да. Сначала два первых пациента, всего двое. А потом целая группа – «маленький Чернобыль». Шла прокладка траншеи на загрязненной территории, но этого не знали. Потому лучевая болезнь была распознана на поздней стадии, когда уже проявились ожоги.

– *Как это?*

– Копали траншею, сидят на краях ее... Появляются первые признаки заболевания – тошнота. Ее принимают за обычное пищевое отравление. Люди временно выводятся из этой зоны. Через две недели симптомы заболевания исчезают. Их вновь возвращают копать траншею. В это время начинают проявляться ожоги кожи – кровавые пятна с отеком и болью... Этих людей показывают нам. Ясно, что это лучевая болезнь.

– *Вы уже сталкивались с подобными случаями до этого?*

– Конечно. Мы уже видели лучевую болезнь от гамма-полей на радиохимическом заводе. Случались аварии, происходило распыление плутония. Это огромные поля. Даже при кратковременных входах в аварийные зоны – люди получали большие дозы.

Только факты. «Было необходимо срочно разработать и создать дозиметрическую аппаратуру. На выездных (Челябинск-40 – Озерск) и плановых (Москва) секциях НТС с персональным участием и особым вниманием к этому вопросу руководства комбината и лично И. В. Курчатова систематически рассматривались появившиеся случаи лучевой болезни. Первые больные с ее хронической формой (ХЛБ) были выявлены в 1949 году, с острой формой (ОЛБ) – в августе 1950 года на Комбинате № 817».

– *В молодости я читал роман американского писателя Митчелла Уиллиса. Он подробно описывал ход лучевой болезни у молодого физика. Была какая-то обреченность во всем происходящем... Насколько был писатель точен?*

– Хорошо написано... Аналогичный случай произошел на «Маяке» во время третьей критической сборки в 1950 году. У нас появились два пациента.

– *Как вы их лечили?*

– Как лечат любой синдром поражения кроветворения с вторичными осложнениями. Многое было нам не известно,

и за сравнительно короткое время мы столкнулись с разными формами лучевого поражения.

– *Страшные годы?*

– Очень тяжелые... Случаи бывали невероятные!

– *Что вы имеете в виду?*

– Лаборатория. В ней работают женщины. Казалось бы, ничего опасного в помещении нет. Однако вскоре одну женщину начинает тошнить, появляется головокружение, ей становится плохо. Потом такие же симптомы у другой женщины, у третьей... Оказывается, в стене, у которой стоят лабораторные столы, проходит труба, по ней идет раствор. Постепенно на стенках трубы накапливается критмасса плутония, то есть мощнейший источник гамма-излучения. Это было в 1957 году.

– *Все погибли?*

– Нет, что вы?! Каждый раз, когда я приезжаю на свой любимый «Маяк», разыскиваю всех тех, кого я лечила в те годы. И хотя прошло много лет, живы еще женщины, которые пострадали в 57-м. Мы встречаемся. Они показывают фотографии своих детей, обсуждаем всякие житейские проблемы. Среди пострадавших тогда была одна девушка. Ей было 19 лет. Она более других переживала случившуюся трагедию, тщательно скрывала свою причастность к ней от сына, от внучки и, как ей кажется, от окружающих. Она отличается от многих, которые пытаются надеть на себя «образ» лучевой болезни. Мы обязательно видимся в Озерске, но она

приходит всегда одна, даже с подружками, с которыми она работала в лаборатории, не обсуждает прошлое. Этим я хочу сказать, что люди по-разному вспоминают о прошлом. Я обязательно беседую с ветеранами, стараюсь помочь им...

– *Мне кажется, «Маяк» притягивает всех, кто там бывал и работал. Почему вы там задержались?*

– Еще в 52-м году мне предложили уехать в Москву. Я отработала «обязательные» три года и имела право покинуть Челябинск-40. Однажды меня пригласил Борис Глебович Музруков – директор комбината. Он сказал, что в Москве Институт биофизики набирает кадры для специализированной клиники и меня туда приглашают. Музруков заметил, что не отпустить меня он не может. Потом он задумался, помолчал и сказал: «Вы нам очень нужны, у нас начинается ремонт на «Б»...

– *«Б» – радиохимический завод?*

– Да, самое тяжелое производство... И я осталась. А в 57-м году Игорь Васильевич Курчатов, которого очень беспокоила судьба клиники, перевел меня в Москву.

– *Не хватало специалистов в столице?*

– Курчатов видел, что ведется «кремлевская политика»...

– *Что это?*

– Брали по анкетным данным, по протекции. Считалось, что работа в клинике престижная. А Игорь Васильевич беспокоился о сути дела, о профессиональной помощи тем, кто пострадал. Он не только перевел в Москву, но и дал кварти-

ру рядом с институтом. Иногда приезжал в гости, говорил, что завидует, так как у меня хороший вид на реку, а его дом стоит в глубине леса и он ничего не видит вокруг.

Только факты. «Тяжесть ситуации с профессиональным облучением требовала увеличения частоты медосмотров и проведения анализа крови по 5—10 раз в год вместо предусмотренного однократного. Вне графика в любой день и час на здравпункте принимали работников, кассета которых за смену набирала дозу 25Р и выше. Именно в этой группе интенсивно облучавшихся людей (так называемых «сигналистов») были выявлены первые случаи хронической и даже подострой лучевой болезни.

Шифром хронической лучевой болезни, понятным тем, кому это необходимо, был АВС — астеновегетативный синдром. Знали его и пациенты по своим больничным листам. Условия секретного режима ограничивали вообще полноту записи: доза скрывалась за изменявшимся номером медицинской карты. Нуклиды обозначались порядковыми номерами (1—4). Объект назывался по имени начальника: «хозяйство Архипова, Точеного, Алексеева» без расшифровки типа технологии».

— Я хочу вернуться к самому началу Атомного проекта. Вы принимали участие в лечении всех больных, получивших тяжелые лучевые поражения?

— «Всех» тяжелых, наверное, нет...

– Я имею в виду тех, кто оставался в живых и попал в клинику?

– «Острые», безусловно, все. И гражданские, и военные.

– В таком случае, вы единственный человек, который может ответить на вопрос о том, какова человеческая цена Атомного проекта? Проще говоря, сколько человек в нашей стране погибло от лучевой болезни?

– Счет идет на единицы. Я помню всех по фамилиям. 71 человек погиб от острой лучевой болезни, из них – 12 на флоте. Остальные – в промышленности и научных учреждениях Средмаша. Есть небольшая группа (к сожалению, она увеличивается) больных, которые попали в аварийные ситуации при транспорте источников и в медицине. На «Маяке» было 59 случаев ОЛБ, погибли семеро.

– А ХЛБ, то есть хроническая лучевая болезнь?

– «Хроники», конечно же, несравненно больше. На промышленном реакторе шли ремонты, случались аварии, да и допустимые уровни доз в те годы заведомо превышались. Если сейчас по нормам 2,5 единицы в год, то тогда разрешалось 15, а реально получалось и 30, и 100 единиц. Шло быстрое накопление доз и, соответственно, различные проявления хронического облучения. Если такого человека «вывести» из опасной зоны, то в течение нескольких месяцев, а наверняка через один – два года, ХЛБ перестает сказываться. И, наверное, нашей самой большой профессиональной гордостью с Григорием Давыдовичем Байсоголовым было то,

что нам удавалось выводить людей из зон облучения. Это была трудная борьба, но в конце концов мы одержали победу. Поверьте, этим действительно можно гордиться!

– *Неужели было так трудно?*

– Конечно. Заводу были поставлены жесткие сроки, любой ценой следовало выполнять правительственные задания, а самых опытных, самых квалифицированных мы выводили из-под облучения или хотя бы улучшали их условия труда. С администрацией «Объекта» разговоры были очень тяжелые, но к каким-то компромиссам приходили. За 10 первых лет работы комбината несколько тысяч человек мы таким образом «вылечили».

– *По условиям труда это были самые тяжелые годы?*

– Их даже сравнивать с последующими нельзя! Ужасные условия, невероятно трудные! И когда мы говорим о ядерной мощи страны, о величии России, то обязательно следует помнить о том, что тысячи людей рисковали своим здоровьем и жизнью. К сожалению, были двое больных, которых наш перевод уже не спас. Они умерли от хронической лучевой болезни. Это Митя Ершов и Гомазеев. Было еще 11 человек, у которых после перевода из-под облучения появились признаки восстановления. Однако остановить процесс нам не удалось. В течение пяти лет у них постепенно развивался лейкоз, то есть пораженные системы кроветворения не восстанавливались. Тяжелые лейкозы были аналогичны тем, что наблюдались в Японии после атомной бомбардировки.

Все погибли. Таким образом, 13 человек погибли от ХЛБ. Я помню всех поименно, потому что работать с ними было мучительно, и мы очень переживали из-за своей беспомощности.

– *Вы рассказываете о тех, кто работал на реакторах и радиохимическом заводе?*

– Да, на основном производстве, где получали плутоний. Однако была еще одна группа пострадавших уже на другом производстве. Считалось, что туда вывозится хорошо очищенный от осколков плутоний, а следовательно, пострадать никто не может. На самом деле у плутония была высокая гамма-активность. У этой группы дозы были поменьше, и мы их сразу же перевели в «чистые» зоны. Однако плутоний, попавший в организм, продолжал облучать. И за десять лет мы потеряли шесть человек от плутониевого поражения легких.

– *Безусловно, всех пострадавших жалко, но у меня было представление, что погибших от «лучовки» в те годы было несравненно больше?!*

– Это широко распространенное заблуждение! Мы стали свидетелями удивительных восстановительных процессов. В Институте биофизики есть такие цифры: 93 процента наших пациентов восстановили свое здоровье! Несколько тысяч человек мы успели вывести из опасных зон.

– *И есть объяснение этому «чуду»? Я иначе просто не могу определить происшедшее...*

– Мы просто успели... А причин тому много. В частности,

в основном пострадали молодые люди, неотягощенные другими болезнями. Средний возраст – 18–20 лет. Небольшая группа инженеров-исследователей постарше. Мы давали им кратковременную инвалидность, чтобы они могли устроить свою жизнь по-новому. Они уезжали из Челябинска-40 в Томск, Красноярск, Новосибирск, потом в Обнинск, Димитровград. Там уже они приступали к работе в новых условиях. Например, был среди наших больных Добрецов, он стал главным металлургом на комбинате в Липецке. Небольшая часть осталась в отрасли. По сути дела, Славский, Музруков и другие первые руководители комбината достаточно облученные люди, но они перешли на научную и административную работу. На одной из атомных станций директором был Николаев, перенесший острую лучевую болезнь. На опреснителе в Мангышлаке работал Муравьев, тоже наш пациент. Этими примерами я хочу показать, что мы старались сохранить высокий профессиональный потенциал отрасли, в частности, и тем, что сохраняли в ней специалистов высокого класса.

– Но ведь было немало и таких, кто уходил из Средмаша?

– Конечно. С одной стороны, мы спасали людей, а с другой – вынуждали менять судьбу. И не всегда в лучшую сторону. У них были хорошие зарплаты, квартиры, жизненные условия, а мы по медицинским показателям заставляли их покидать Озерск и любимую работу. Это была ломка в жизни. Они испытали «эвакуацию из Чернобыля» намного раньше.

ше, чем случилась эта трагедия.

– *Знаю, что таким «переселенцам» очень помогал Ефим Павлович Славский?*

– Многим помог, так как хорошо знал отрасль и людей. И ему не могли отказать, потому что, как написал один самодельный поэт, «во славу и честь комбината / мы шли на работу, как в бой, / и были в бою, как солдаты, / страну закрывая собой». Может быть, звучит несколько высокопарно, но точно отражает и порыв, и самоотверженность поколения, которое не щадило себя ради Родины.

– *Авария 1957 года на «Маяке». Вы были там в это время. Каковы медицинские аспекты ее?*

– Это была большая неожиданность для всех. Был взрыв «банки» в хранилище, загрязнение значительное. Выброс шел в сторону города и «Маяка». Пострадали многие люди, которые не имели отношения к комбинату. Это солдаты и жители окрестных деревень. В основном заботы были гигиенические. Оценка доз была сделана сразу же. Мы проследили судьбу пострадавших, всех, за исключением военных. Они демобилизовались, и ничего об их судьбе нам не известно. Лучевой болезни ждать не следовало, но следить за всеми, кто попал под выброс, нужно было. К сожалению, в должной мере этого сделано не было.

– *Сейчас много говорят и пишут о Течи, о высоких уровнях радиации по берегам реки, о той опасности, которой подвергаются жители деревень?*

– Опасения обоснованны. На комбинате стало очень быстро ясно, что тех емкостей, которые приготовлены для сброса отходов, мало и они быстро переполняются. В качестве временной меры было принято решение сбросить активные отходы в болота и через них в реку. Была надежда, что они растворятся, активность уменьшится. Однако уже при первых исследованиях в 51-м и 52-м годах стало ясно, что сбрасывать отходы в реку нельзя. Часть населения, особенно в верховьях Течи, живет в прибрежной зоне, контакт с активностью у людей очень широкий. Тогда и начали перебрасывать отходы в Карачай. Уровень сбросов в Течу начал падать, но это не означало, что уровень активности снизился. Исследования показали, что основной вклад в активность дают отнюдь не долгоживущие нуклиды, а короткоживущая фракция. Это хорошо сошлось с клиническими эффектами. Стало понятным, что опасения расширены – никаких 900 случаев лучевых заболеваний не было. Опасность относится к группе жителей, которые находятся в верховьях Течи. Сейчас трудности в анализе ситуации заключаются в том, что нет корреляции материалов комбината, откуда осуществлялся сброс отходов, и разных служб Челябинска, которые выдвигают свои версии.

– *Надо ли выселять сейчас жителей деревень, расположенных по реке?*

– Не надо, потому что их жизнь только ухудшится. 95 процентов дозы они уже получили. При отселении люди «уйдут»

со своими дозами...

– Там, на «Маяке», вы лечили практически всех столпов Атомного проекта?

– Они лечились мало, больше заботились о других. Мы им просто советовали, как вести себя в опасных ситуациях, но не лечили.

– У Курчатова была лучевая болезнь?

– Нет. У него были перегрузки сердечно-сосудистой системы.

– А когда он разбирал облученные блочки на первом промышленном реакторе?

– У него было 42 рентгена. Для того времени немного.

– А кто больше всего «нахватал рентген»?

– Многие. Гладышев, Никифоров, Музруков. Ну и Славский, конечно. Те, кто руководил тогда в Челябинске-40. Они были очень небрежными в одежде, в аварийных ситуациях. И, конечно же, неуправляемыми. Никого не слушались, да и нас, медиков, не жаловали. Особенно нами пренебрегали оружейники.

– В 6-й клинике я навещал Главных конструкторов, того же Верниковского, Литвинова... Разве они попадали не к вам?

– Нет, они не в наши отделения, где занимались ионизирующими излучениями, а в профилированные – терапию, кардиологию. Чаще всего по поводу инфарктов, инсультов, гипертонии и язвы желудка. И даже здесь старались с нами не

общаться. Ну а свои медсанчасти они игнорировали полностью.

– *Как вы считаете, почему это происходило?*

– Жизнь у таких людей была очень трудная, и они не желали ее усложнять. Тем более что работы шли на основных и местных полигонах. Мы могли ввести какие-то ограничения, а этого они допустить не могли.

– *А заставить их нельзя было?*

– Разве они послушаются?! Кстати, примеры подавали тот же Берия или Бурназян. После взрыва они отправились в эпицентр, там вышли из машин. За ними поехали и другие руководители Атомного проекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.